

Игорь Шестков "Шкаф тети Оттилии"

ШКАФ ТЕТИ ОТТИЛИИ

Тетя Оттилия боготворила роскошный трехстворчатый книжный шкаф ручной работы, купленный ей в Потсдаме у одного мясника еще до объединения Германий. Красивый — красного дерева, надежно запирающийся, покрытый резными орнаментами, мифологическими цветам и сардоническими масками кривляющегося Мефистофеля, покоящийся на львиных лапах, трех с половиной метровый шкаф олицетворял для нее все хорошее, солидное, важное, что есть в жизни. Был не мебелью, а машиной существования.

В этом шкафу тетя Оттилия хранила не только белье, книги, журналы, фотографии и записные книжки ее покойного мужа, но и то, что составляло главную отраду ее жизни — деньги и ценные бумаги.

Не хочу представлять покойную тетю эдаким немецким вариантом Скупого рыцаря, но это, увы, так и было. Единственным занятием восьмидесятилетней старухи, которому она страстно предавалась, без всякого преувеличения, впадая в жар и трепет, было — ежедневное многочасовое пересчитывание стоимости ее акций. Делала она это с помощью газеты с биржевыми новостями и электронного калькулятора с крупными клавишами, специально изготовляемого для старых скряг.

Тетя Оттилия, мир ее грешной душе, умерла два года назад.

Моя подруга Минна унаследовала от нее квартиру и мебель, а акции и деньги достались берлинскому приюту для бездомных собак и кошек. Хотя квартира эта располагалась в построенном еще во времена ГДР по советским лекалам железобетонном Марцане — Минна скрепя сердце решила переехать в нее, чтобы не платить квартплату, отнимавшую каждый месяц больше половины ее скромной пенсии.

Когда я впервые увидел шкаф тети Оттилии, я сразу понял, что у меня неожиданно появилась проблема. Дело в том, что квартира эта тетина довольно маленькая, около семидесяти квадратных метров. Шкаф гордо стоял в самой большой ее комнате — гостиной и занимал собой добрую половину ее скудного

пространства. Шкаф не только занимал пространство, он притягивал своими резными красотами взгляд, принуждал любоваться собой, закабалял.

Глумливый дьявол Мефистофель не только смотрел на меня со шкафа, но и играл со мной в гнусную игру. Выбегал из шкафа полупрозрачным пуделем, вставал на задние лапы, отвратительно подмигивал мне раскосыми глазами, шептал что-то скабрзное мне в уши, хлопал меня по плечу тяжелыми лапами и приглашал войти вместе с ним в шкаф, уверял меня в том, что в там находится дверь в сад, полный очаровательных попугаев и мартышек, готовых заняться со мной любовью, обещал угостить меня волшебными плодами одного милого дерева и вручить мне коллекцию розовых турмалинов.

В эти мгновения мое обыкновенное, порядком поднадоевшее мне за полвека «я» раздваивалось. Одна его половина оставалась пассивной, равнодушной — а другая раскалялась, праздновала победу над здравым смыслом и прыгала от счастья. Как масаи на своих диких празднествах.

Иногда мне представлялось, что шкаф — и не шкаф вовсе, а саркофаг зловещей старухи, из которого она иногда по ночам, кряхтя и причитая, вылезает, как гоголевский ростовщик из портрета, и ищет на полках ценные бумаги, а не найдя их — рыскает по своей квартире в поисках жертвы, чтобы высосать у нее кровь. А нечистый дух дергает ее как куклу за ниточки и подгоняет пинками и щелчками. Щелчки эти я слышал особенно отчетливо.

Я попытался уговорить Минну продать шкаф или, на худой конец, просто выкинуть. Тысячу раз объяснял ей, что пространство, свет, воздух — главные достоинства квартиры, куда большие, чем неодушевленные предметы, чем шкаф. Минна на мои уговоры не поддавалась, для нее шкаф был памятью не только о тете Оттилии, но и вообще «о старых временах», о предках, сплошь баронах, баронессах, военачальниках и судьях, которые «жили с замках с такой мебелью, не элегантно, но солидно, достойно, патриархально, не то, что нынешний мишфольк».

Несколько недель я боролся, втайне от Минны послал фотографию шкафа и предложение дешево его продать в берлинские магазины старинной мебели, получил восемь вежливых отказов, потом на свою беду сдался и сообщил Минне, что согласен оставить шкаф в гостиной.

Мучительно долго тянулись: ремонт, укладка ламината «под ясень», покупка новых вещей, выбрасывание и раздача родственникам старых, переезд...

И вот, мы живем в Марцане, в собственной квартире с огромным балконом, с мебелью из магазина ИКЕА и с старинным шкафом-саркофагом красного дерева, моим врагом и мучителем. Я стараюсь шкаф не замечать, не дотрагиваться до него, но у меня это не получается. То Минна просит меня достать из него книгу «Достопримечательности Майорки», то я спотыкаюсь о проклятые львиные лапы, которые, как мне казалось, проклятый шкаф растопырил еще шире, с тех пор как понял, что ему ничего не грозит.

Я прищемлял дверями шкафа пальцы, засаживал себе в кожу коричневые занозы от его расщепившихся внутренних полок, наткнулся на шкаф в темноте и пребольно бился о него лбом и большим пальцем правой ноги. В темноте мне казалось, что из шкафа что-то зловеще отсвечивает, я готов поклясться, что из него иногда доносятся какие-то странные звуки: копошение, крик, вздохи. Иногда я явственно слышал глухой голос тети Оттилии. Что-то вроде: Минна, Минна, где ты спрятала акции Немецкого банка? Сколько раз я просила тебя, не рыться в моих бумагах!

Я старался всего этого не замечать, грешил на собственное, не совсем мне послушное подсознание и жил как живется. Был уверен, что легкий характер моей подруги, даже само ее присутствие в квартире непостижимым образом нейтрализует лютость шкафа.

Я подмигивал ему и глумливо кивал в сторону Минны. На, мол, выкуси, проклятая деревяшка. Меня ты не боишься, а хозяйки твоей, аристократки с 800-летней родословной ты трусишь, чертово арийское полено!

Время катилось, как шар по наклонной плоскости из задач по физике. Вот уже и июль. А шестого — день рождения Николь, Минниной дочки. Минна поедет к ней на два дня. Одну ночь мне предстоит провести в одиночестве, один на один с моим супостатом.

И вот, сижу я с книгой в гостиной в итальянском кожаном кресле, как раз напротив шкафа. Читаю жизнеописание сюрреалиста Магритта. Немецкие искусствоведческие книги хороши, но чрезвычайно многословны.

Искусствоведы тянут как бурлаки свои долгие периоды не ради того, чтобы

разобраться в смысле картины и не для того, чтобы похвалить или поругать ее колорит или композицию, а чтобы продемонстрировать себе и другим умение писать искусствоведческие книги. Текст книги был невыносимо нуден, а репродукции картин Магритта были завораживающе хороши. Я перестал читать и стал смотреть картинки. Листал и думал о шкафе тети Оттилии, о пневматических пистолетах фирмы Вайраух, о том, что надо купить новый костюм, потому что в старом идти на открытие фотовыставки, на котором будут присутствовать голливудские звезды — неприлично, о недавно разбившемся в Атлантическом океане самолете, об ураганном ветре на улице, болезненно напоминающей мне оставленную навсегда улицу Паустовского в давно покинутом Ясенево, о том, чем еще более отвратительным удивит Россия мир... Наверное, я задремал. Книжка сползла на пол. Я не стал ее поднимать, только поудобнее устроился в кресле и погрузился в теплую ласковую пену сна. Средняя дверь шкафа беззвучно раскрылась, и из его книжной внутренности вылетел на полных парах зеленый паровоз, а за ним двенадцать старомодных желтых пассажирских вагонов. Состав медленно облетел вокруг меня и улетел обратно в шкаф.

Из широко раскрытого рта солдата-щелкунчика, стоящего на шкафу, выпорхнула маленькая синяя птичка и закружилась у меня над головой. Из внутреннего пространства шкафа вдруг вытянулась длинная рука. Рука эта схватила птичку на лету и втянулась в шкаф.

Из шкафа вышла очаровательная обнаженная молодая женщина, поднесла птичку ко рту и откусила ей голову. На пол закапала птичья кровь, посыпались синие, запачканные кровью перья.

То, что случилось потом, я не могу описать. Это слишком страшно.

Теперь я живу в шкафу.